

Материалы круглого стола

**ТРАДИЦИОННЫЕ РОССИЙСКИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
В ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ**

Москва, 2 марта 2021 г.

DOI 10.34685/NI.2021.70.34.012

Миронов А.С.

О традиционных духовно-нравственных ценностях

Аннотация. Тезисы выступления на круглом столе «Традиционные российские духовно-нравственные ценности в понятийном аппарате государственной культурной политики», прошедшем в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (2 марта 2021 г., Москва).

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, традиционные ценности, культура, государственная культурная политика, Россия.

Мы все помним, как в начале нулевых годов слова «традиционные духовно-нравственные ценности» были частью охранительного дискурса, но с тех пор ситуация изменилась. Налицо злоупотребление этим понятием; в настоящее время оно часто используется, например, в контексте риторических заявлений о толерантности. При этом к традиционным ценностям причисляются среди прочего местные обряды и народные верования, в том числе и те, которые могут нас шокировать. Очевидно также, что под «традиционными духовно-нравственными ценностями» мы понимаем именно ценности объединяющие, а не просто «традиционные» как таковые. Ведь, в частности, ценности разного рода деструктивных и противоправных сообществ с формальной точки зрения тоже являются «традиционными», так как передаются из поколения в поколение. Разумеется, подобного рода «традиционность» не заслуживает какой бы то ни было поддержки.

Что же касается понятия «духовность», то не следует забывать о том, что духовность также бывает разной. По существу, «духовные ценности» – это просто любые нематериальные ценности. Так, например, в героическом эпосах, созданных многими народами – в том числе народами Российской Федерации, – в качестве ценностно-значимого понимается ритуал, когда победитель пьет кровь поверженного противника. Следует подчеркнуть: речь идет не просто о том, что победитель присваивает коня или другое имущество побежденного, уводит его жену – в контексте этого ритуала добычей триумфатора становится сама душа противника; проигравший, в буквальном смысле слова, теряет все – что, в свою очередь, призвано обозначить статус победителя. Нужно ли говорить, что ценностная парадигма, связанная с подобными эпизодами, не может считаться объединяющей. Иными словами, едва ли оправданно искать те ценности, которые совпадают друг с другом чисто механически.

Последние годы я занимаюсь изучением героического эпоса – прежде всего русского: сопоставляю его с эпической поэзией других народов именно в ценностном аспекте. Я делаю акцент на мотивирующих ценностях: на том, что непосредственно мотивирует героев и как эпическое сознание того или иного народа демонстрирует последствия сделанного персонажами ценностного выбора – девальвирует или, напротив, укрепляет некую аксиологическую категорию; оказывается ли эта категория выше или ниже по своей значимости, чем сама жизнь героя, и т.д. Такой анализ очень интересен, и именно его результатами я бы хотел поделиться сегодня. Может быть, это нам отчасти поможет, хотя отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как ценности эпической поэзии – если нам удастся выделить здесь подлинно актуальные аксиологические единицы – могут быть описаны языком государственной культурной политики и введены в ее контекст.

Возвращаясь к сказанному выше: если чисто механически отбирать общие духовные ценности, то их окажется очень немного. Прежде всего, это предки: предки-защитники и предки-родители. Вполне очевидно, что все авраамические религии учат нас почитать родителей – впрочем, как и языческий этос. В этом смысле уважение к родителям можно считать своего рода ценностной точкой схождения, общим аксиологическим пространством. Впрочем, и здесь есть нюансы. Так, например, для русского эпического сознания ценностью является *любое* материнство, *любое* детство, *любое* сиротство. Илья Муромец, в частности, просит князя Владимира не забирать в казну деньги Соловья-Разбойника, но отдать их детям последнего – чтобы тем, в свою очередь, не пришлось нищенствовать. Этот эпизод, смею утверждать, является совершенно беспрецедентным для мировой эпической поэзии: в соответствии с героическими песнями многих народов, дети «чужого» – противника, антагониста – должны быть безжалостно уничтожены.

Позвольте обозначить свою позицию без так называемой «толерантности», но с опорой исключительно на текстуальные источники: для дохристианского сознания – как мы находим его в эпических памятниках – характерна чрезвычайная жестокость; уважения заслуживает только *свой* родственник – ведь от родовой чести зависит честь личная; родитель же или ребенок другого человека – тем более «чужого», врага – в принципе лишен какого бы то ни было статуса.

Напротив, для русского героического эпоса – разрешите нам повторить это еще раз – ценностно-нагруженным предстает *любое* материнство, детство, сиротство, вдовство.

Из сказанного опять-таки следует, что механический отбор «общих» ценностей едва ли приведет нас к какому-либо положительному результату; не следует пытаться найти некий общечеловеческий инвариант. В это ситуации я предлагаю обратить внимание на ценности русской культуры, потому что именно русская цивилизация много веков была пространством объединения и сохранила в своем контексте огромное большинство народов и этносов, которые – в отличие, например, от североамериканских индейцев – продолжили и продолжают свое существование. Видимо, национальный характер русских таков, что именно их ценности создают общее аксиологическое пространство. Показательно в этом смысле, что родители Ильи Муромца обращаются к своему сыну со следующим предостережением: «не убей в чистом поле христианина, не помысли зла на татарина». Здесь мы вновь находим совершенно уникальный для героической поэзии этический императив, своего рода презумпцию доброго отношения к «чужому».

Остается понять, каковы именно ценности русской цивилизации и как они могут быть описаны языком государственной культурной политики. Я приведу цитату из немецкого русиста Рейнгольда Траутманна, специалиста по русской словесности – цитату, которая опровергает привычное представление о том, что ценности народа локализованы в его поздней «авторской» литературе: «Тот, кто попробует в качестве ли исследователя или любителя литературы проникнуть в духовную жизнь русского народа, будет ослеплен исключительным явлением русской литературы XIX века. В необычайном блеске лежит это море русской литературы перед нашими глазами. Однако остаются сейчас в темноте причины и сама возможность такого замечательного проявления русского духа (Р.Траутманн говорит здесь о русском психологическом романе. – А.М.). Явление, которое вводит нас в глубь самой сущности русской народности и русского искусства, – это русская, великорусская героическая поэзия».

Забегая вперед, скажем, что былинный эпос очень сильно отличается от героических песен, созданных другими народами: отдельные аналогии возможны лишь с византийскими и сербскими памятниками; еще более редкие – с осетинским нартским эпосом. Однако с точки зрения понятийного аппарата отличие русских былин от мирового героического фольклора является безусловным. Так, для любого эпического героя – и языческого, и вне-христианского, и западно-христианского – есть две предельные ценности в аристотелевском понимании этого термина: личная слава (соотносимая в ряде случаев с бессмертием) и личная честь. Последняя находит свое выражение в материальном эквиваленте и трактуется как воздаяние за совершенные подвиги, как «цена личности», измеряемая количеством полученных даров и взятых трофеев.

Что же касается былин, то они последовательно деконструируют эти ценности, буквально выжигая из сознания слушателей представления о личной славе и личной чести. Так, Алеша Попович, победив Змея Тугарина, облачается в доспех последнего, «платье цветное на сто

тысячей», и садится на его крылатого коня, чтобы въехать в город и снискать там личную славу – то есть поступает традиционным для любого эпического героя образом (вспомним, например, что Зигфрид, желая прославиться, помещает на своих доспехах изображение убитого им дракона). Русский герой, однако, едва не погибает в этот момент: его принимает за татарина и пытается убить собственный побратим; как следствие, Алеша вынужден снять с себя татарский доспех. Из сказанного следует, что слава в русском эпосе предполагает именно коллективный характер и в этом качестве является механизмом по защите страны от иноземных вторжений. Более того, ущерб, нанесенный подобной коллективной славе кем-либо из русских богатырей, немедленно «провоцирует» властителей соседних стран на интервенцию.

Само понятие чести в русских былинах не является личным: честь здесь – всегда атрибут другого. Честью обладают вдовы, сироты, девицы, церкви и вообще религиозные святыни; под честью понимается именно совокупность защищаемых объектов. В этом смысле известная фраза о приоритете коллективного над индивидуальным как характерной черте русского национального сознания представляется вполне оправданной. В любом случае подавление личной славы и личной чести однозначно характерно для былинного эпоса.

Перейдем далее к понятиям жалости и сострадания как такового. С точки зрения языческого эпоса, жалость лишена смысла и по сути своей абсурдна. Более того, это – проявление слабости, недостойная страсть, подавляющая волю и стоящая в одном ряду с гневом и страхом. Напротив, в русском эпосе сострадание (и вообще страдающий человек) является предельной ценностью – наравне с религиозными святынями. Былинный герой обладает силой лишь до тех пор, пока он сострадает и преисполнен благочестивой ревностью – иными словами, пока он *служит*. Русское представление о силе совершенно оригинально: былины, в отличие от огромного большинства мировых эпосов (включая и те, что были созданы христианскими народами – «Песнь о Роланде», «Песнь о Сиде»), не мыслят силу как личное право на добычу и славу, но – как бремя, как миссию и призвание. (В качестве отступления заметим, что эти же – по своей сути эпические – представления о служении и справедливости, будучи использованными большевиками и их предшественниками, начиная с народников, в значительной степени обеспечили победу «красных» во время известных событий.)

Рассмотрим теперь категорию гнева. Гнев в западных и восточных эпосах функционирует как своего рода механизм по восстановлению справедливости в ситуации, когда герою воздают честь, «непропорциональную» с точки зрения его силы. Персонаж гневается – и это побуждает его восстановить свой статус; гнев, таким образом, оценивается с функциональной точки зрения как справедливый и праведный. Не то в русском эпосе – его персонажи (Алеша Попович, Илья Муромец и другие) ведут себя столь смиренно в ситуации личного бесчестия, что некоторые исследователи говорили о том, что категория чести вообще отсутствует в былинах. Смирение русских героев не отменяют даже отдельные исключения: так, когда Илью Муромца сажают на «низкое место» за княжеским столом и герой впоследствии бунтует – сбивая, в частности, маковки с церковей – не следует забывать о том, что изначально богатырь пришел к князю

«инкогнито», чтобы проверить, как тот относится вообще ко всем русским витязям. Таким образом, «низкое место» является для Муромца не персональным оскорблением, но указанием на то, что власть недооценивает всех богатырей, весь «честной» институт русского богатырства, о котором Илья, как его старший представитель, благочестиво ревнует.

Таким образом, между русскими былинами и эпическими песнями других народов достаточно четко выстраивается система различий – цивилизационных различий, если угодно. Эти различия едва ли проходят по принципу «христианские – нехристианские страны», ведь и эпическая поэзия Западной Европы обнаруживает множество языческих черт (вспомним, в частности, историю Гильома Короткий Нос, героя французских жест, который отказывается освободить своих единоверцев, томящихся в плену у мавров, до тех пор, пока папа римский не предлагает ему отпущение всех грехов, кроме измены). Отсутствие жалости, сострадания, характерно и для замечательного татарского эпоса «Идегей», в одном из эпизодов которого протагонист соглашается освободить плененную великаном красавицу только при условии будущих богатых даров от ее отца – то есть приращения своей личной имущественной чести.

Из сказанного следует, что опираться при разговоре о «традиционных ценностях» следует прежде всего на те аксиологические категории, которые обнаруживает перед нами русский былинный эпос. Но как привнести их в пространство официального дискурса? Мы ведь не можем говорить здесь о таких вещах, как «ревнование о святынях» и проч., что затруднительно даже чисто лексически. Но все же русский человек должен понимать, что есть ценности, которые значат больше, чем его собственная жизнь. Именно эти ценности должны быть найдены, определены и легализованы в государственной культурной политике. Среди них: деятельное сострадание, «любовь-жалость», бескорыстное служение, коллективная честь и коллективная слава (например, того или иного рода войск; общая слава державы, как в случае воссоединения с Крымом). Последнее предполагает и определенный уровень государственного престижа: так, с точки зрения подобных традиционных ценностей, убийства российских дипломатов не могут быть «смягчены» какими бы то ни было внешнеполитическими соображениями.

Названные ценности включают в себя и активную позицию, «праведную ярость» (понимаемую как проявление любви) в вопросах силового противостояния, защиты угнетенных – при очевидном миролюбии, нежелании нападать первыми. Таким образом, мы можем говорить о цивилизации альтруизма, коллективного служения – цивилизации, где человек «дарит» свой талант, а не обменивает его на почести или славу. В этом смысле «память предков» вполне актуальна, и мы можем реализовать аксиологический потенциал русских былин в нашем времени.

© Миронов А.С., 2021.

Статья поступила в редакцию 10.04.2021.

Миронов Арсений Станиславович,

кандидат филологических наук,

ректор Московского государственного института культуры (Москва),

email: rektor@mgik.org

Mironov A.

On the traditional spiritual and moral values

Abstract. Theses of the speech at the round table "Traditional Russian spiritual and moral values in the conceptual apparatus of state cultural policy", held at the Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.Likhachev (March 2, 2021, Moscow).

Key words: spiritual and moral values, traditional values, culture, state cultural policy, Russia

Mironov Arseny Stanislavovich,

PhD in Philology,

Rector of the Moscow State Institute of Culture (Moscow)